

**ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ
В СЕРИИ:**

Черный ворон

Рассказывая сказки

Скрытые глубины

Немые голоса

Комната из стекла

Снежное забвение

ЭНН КЛИВЗ

ЧЕРНЫЙ
ВОРОН

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К49

Ann Cleeves
RAVEN BLACK

Copyright © Ann Cleeves 2006
By arrangement with John Hawkins & Associates, Inc., New York

Кливз, Энн.
К49 Черный ворон / Энн Кливз ; [перевод с ан-
глийского Н. Рокачевской]. — Москва : Эксмо,
2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-225520-5

Холодным январским утром Шетландские острова покрыты толстым слоем снега. По пути домой Фрэн Хантер замечает пятно алого цвета на замерзшей земле, над которым кружат вороны. Там, на снегу, лежит тело юной Кэтрин Росс с выклеванными глазами, а вокруг ее шеи затянут красный шарф...

Подозрение местных жителей сразу падает на старика-одиночку Магнуса Тейта, которого уже обвиняли в убийстве девочки восемь лет назад. Для всех в полиции дело закрыто, но только не для детектива Джимми Переса, недавно вернувшегося на острова. Он полностью уверен, что старик невиновен и это дело куда запутаннее, чем кажется на первый взгляд.

Впервые за много лет жители нервно запирают свои двери, ведь убийца где-то поблизости. А может, он даже живет по соседству...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Рокачевская Н., перевод
на русский язык, 2025
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-225520-5

Элле и ее деду

Благодарности

Пытаться написать книгу о Шетландских островах, живя в Западном Йоркшире, — это полное безрассудство, которое невозможно было бы осуществить без помощи и поддержки шетландцев. Спасибо Бобу Ганну, всем сотрудникам Шетландского фонда искусств, особенно Крисси и Алексу, Мораг из библиотеки Леруика, Бекки и Флортье за понимание того, что такое быть молодым, и еще раз Бекки за подробные советы по рукописи. Отдельного упоминания заслуживают Фэр-Айл, где все началось, и наши тамошние друзья. Несмотря на их помощь, в тексте наверняка обнаружатся неточности. Все они — исключительно моя вина.

Глава 1

Новогодняя ночь, двадцать минут второго. Точное время Магнус знал благодаря толстеньким, принадлежавшим маме часам, грузно восседавшим на каминной полке. В углу в плетеной клетке бормотал и каркал во сне ворон. Магнус ждал. Комната была готова к приему гостей: в камине тлел торф, на столе стояли бутылка виски и имбирный кекс, купленный в «Сейфвее»¹ во время последней поездки в Леруик. Магнуса клонило в сон, но лечь он не хотел — вдруг кто-нибудь постучится? Если в окне горит свет, может, кто и придет — с хохотом, выпивкой да байками. Восемь лет уже никто не заглядывал поздравить его с Новым годом, но он все равно ждал. На всякий случай.

Снаружи стояла мертвая тишина. Ни малейшего ветерка. Когда на Шетландских островах не дует ветер, испытываешь дискомфорт. Все напрягают слух, будто чего-то не хватает. Днем выпал легкий снежок, а к вечеру его сковало инеем — в последних лучах света, да и потом, в темноте, под лучом маяка, сверкал каждый твердый как алмаз кристаллик. Магнус не покидал комнату в том числе и из-за холода. В спальне стекла изнутри наверняка покры-

¹ Американская сеть супермаркетов, основанная в 1915 году Марионом Бартоном Скэггсом.

лись морозными узорами, а простыни будут сырыми и ледяными на ощупь.

Видимо, он задремал. Будь Магнус начеку, он услышал бы их приближение. Они шли весьма шумно. Он услышал бы их смех и нетвердые шаги, увидел бы, как луч фонаря мечется за окном с незадернутыми шторами. Его разбудил стук в дверь. Он вздрогнул, поняв, что ему снился кошмар, но детали сна уже расплывались.

— Входите! — крикнул Магнус. — Входите, входите!

Он поднялся с трудом — тело одеревенело и ныло. Они, наверное, уже в тамбуре. Послышался шепот.

Дверь распахнулась, впустив ледяной порыв ветра и двух девушек — пестрых и ярких, как экзотические птицы. Они явно были пьяны. Держались друг за друга, чтобы не упасть. Одежда не по погоде, но щеки пылают, и от них веяло жаром, будто от печки. Одна блондинка, другая — брюнетка. Блондинка была милловиднее: круглолицая, с мягкими чертами. Но взгляд Магнуса сначала выхватил брюнетку: в ее черных волосах светились синие пряди. Ему дико хотелось потрогать их, но он сдержался. Так можно и спугнуть.

— Входите, — повторил он, хотя девушки уже вошли.

Наверное, он произвел впечатление старого дураля, твердящего одно и то же. Над ним вечно смеялись. Звали тормозом — и, может, не зря. На лице Магнуса расползлась улыбка, и в голове всплыли мамины слова: «Сотри с лица эту дурацкую ухмылку! Хочешь, чтобы люди считали тебя еще тупее, чем ты есть?»

Девчонки хихикнули и прошли в комнату. Он закрыл за ними обе двери — внешнюю, покореженную

непогодой (ту, что вела в тамбур), и внутреннюю. Хотел удержать тепло — и боялся, что они сбегут. Не верилось, что к нему на порог явились такие прекрасные создания.

— Садитесь, — сказал он. Кресло было только одно, но у стола стояли еще два стула — дядина работа, из плáвника. Магнус подвинул их ближе. — Выпьем за Новый год?

Девушки снова захихикали, вспорхнули, как мотыльки, и опустились на стулья. В волосах — мишура, одеты в меха, бархат и шелк. На блондинке были сапоги с серебряными пряжками и цепочками, лакированная кожа сверкала, как свежий деготь. Высокие каблуки, острые носы. Магнус никогда не видел такой обуви и на секунду застыл, уставившись на нее. На брюнетке были красные сапоги. Мужчина встал во главе стола.

— Мы не знакомы, да? — спросил он, хотя, присмотревшись, вспомнил, что видел их проходящими мимо дома. Магнус говорил медленно, чтобы его поняли. Порой его слова сливались, звучали странно, как карканье ворона. Он научил птицу паре слов. Иногда ведь неделями поговорить было не с кем. — Откуда вы?

— В Леруике были, — ответила блондинка. Она сидела на низком стуле, а потому, чтобы взглянуть на Магнуса, ей пришлось запрокинуть голову. Он разглядел розовый язык и горло. Короткая блузка задралась, обнажив складку кожи, такой же шелковистой, как ткань, и пупок. — Праздновали Хогманай¹. До конца дороги нас подвезли. Шли домой, увидели свет в окне.

¹ Хогманай — шотландский праздник последнего дня в году.

— Ну что, выпьем? — нетерпеливо предложил Магнус. — А?

Он взглянул на брюнетку, но та молча озиралась, медленно изучая комнату. Ответила опять блондинка:

— У нас есть своя выпивка.

Она вытащила бутылку из вязаной сумочки, которую все время держала на коленях.

Заткнутая пробкой бутылка была полна на три четверти. Магнус решил, что это белое вино, но не был уверен. Он никогда не пробовал вина. Девчонка вытащила пробку острыми белыми зубами. Его перевернуло. Когда он сообразил, что она делает, ему захотелось крикнуть: «Остановись!» Он представил, как ее зубы ломаются у корней. Надо было предложить открыть самому, как полагается джентльмену. Но он лишь завороченно смотрел. Девушка отхлебнула из горлышка, вытерла губы рукой и передала бутылку подруге. Магнус потянулся за виски. Руки дрожали, и несколько капель пролилось на клеенку. Он поднял стакан, и брюнетка чокнулась с ним бутылкой. Ее узкие глаза были подведены черным карандашом, а веки покрашены синими и серыми тенями.

— Я Салли, — представилась блондинка. Похоже, она не способна молчать, в отличие от своей подруги. Шумная какая. Болтовня да музыка. — Салли Генри.

— Генри... — повторил он. Фамилия знакомая, но Магнус не мог вспомнить откуда. Он явно отстал от жизни. Мысли и раньше были заторможенными, а теперь и вовсе продирались с трудом, будто сквозь густой морской туман. Угадывались очертания, но без ясности. — Где ты живешь?

— В доме в конце залива. Рядом со школой.

— Твоя мама — учительница.

Теперь он вспомнил. Ее мать была небольшого роста. С северных островов. С Анста или Йелла. А ее муж с острова Брессей работает в администрации. Магнус видел, как он разъезжает на большом внедорожнике.

— Ага, — вздохнула она.

— А ты? — спросил он брюнетку, которая нравилась ему больше — так сильно, что он невольно переводил на нее взгляд. — Как тебя зовут?

— Кэтрин Росс, — впервые заговорила она.

Голос для девчонки низковатый, решил Магнус. Глубокий, ровный. Как черная патока. На секунду он забылся, представив, как мать выливает патоку в тесто для имбирных пряников, проворачивает ложку над банкой, чтобы собрать последние липкие нити, и сует ему облизать. Он провел языком по губам и смутился, поймав на себе взгляд Кэтрин. У нее была привычка смотреть не моргая.

— Ты не местная. — Магнус понял это по акценту. — Англичанка?

— Живу здесь уже год.

— Вы... дружите? — Само слово «дружба» казалось ему диковинным. Был ли у него когда-нибудь друг? Магнус задумался. — Подружки, да?

— Конечно, — сказала Салли. — Лучшие подружки.

Они снова рассмеялись, передавая бутылку туда-сюда и запрокидывая головы, чтобы глотнуть, их шеи под светом голой лампочки казались белыми как мел.

Глава 2

Без пяти двенадцать. Весь Леруик собрался у креста на рыночной площади¹, улицы гудели. Все были навеселе, но не настолько, чтобы дошло до драки, — просто расслабленные, радостные, и каждый чувствовал, что принадлежит к этому хохочущему, пьяному племени. Салли подумала, что отцу следовало бы приехать. Он понял бы — нервничать не из-за чего. Может, даже получил бы удовольствие. Хогманай на Шетландах — это вам не Нью-Йорк и не Лондон. Что тут может случиться? Большинство лиц вокруг знакомы.

Глухие ритмы басов били сквозь подошвы сапог и гудели в висках, она не могла определить источник музыки, но двигалась в такт вместе со всеми. Потом пробило полночь, зазвучала песня *Auld Lang Syne*, и Салли обнялась с соседями справа и слева. Как-то так вышло, что она поцеловалась с каким-то парнем — в момент просветления она узнала в нем учителя математики из школы Андерсона, и он был еще пьянее.

Дальше она уже не могла восстановить последовательность событий. Помнила только обрывки.

¹ В Шотландии было принято устанавливать в центре рыночной площади так называемый меркат-кросс — сооружение, увенчанное крестом, поскольку право проводить ярмарки предоставлялось епископом, аббатом или местным бароном.

Роберта Айсбистера, огромного как медведь, стоящего у входа в «Лаунж» с красной жестяной банкой в руке. Может быть, она его разыскивала. Помнила, как подошла к нему, покачивая бедрами в такт музыке, почти танцуя. Как стояла перед ним, не говоря ни слова, но флиртуя — о да, это определенно был флирт. Она дотронулась до его запястья, провела пальцами по золотистым волоскам на руке, будто гладила зверя. Трезвой она никогда не осмелилась бы на такое. Да и подойти к нему тоже, хотя так долго мечтала об этом, продумывая каждую деталь. Несмотря на холод, рукава его рубашки были закатаны, на запястье красовались часы с золотым браслетом. Это она запомнила. Возможно, золото фальшивое — с Робертом Айсбистером никогда не угадаешь.

Потом появилась Кэтрин, сказала, что упростила подвезти их до дома — по крайней мере, до поворота на Рейвенсвик. Салли порывалась остаться, но Кэтрин, видимо, уговорила ее, потому что вскоре она уже сидела на заднем сиденье чужой машины. И, как во сне, внезапно рядом оказался Роберт, так близко, что она чувствовала ткань его джинсов своей ногой и голую руку на своей шее. Из рта у него пахло пивом, отчего ее подташнивало, но блевать при Роберте Айсбистере было нельзя.

На заднее сиденье вместе с ними втиснулась еще одна пара. Парня Салли вроде знала — с юга Мейнленда, учился в Абердине. А девушка из Леруика, медсестра в больнице Гилберта Бейна. Они буквально пожирали друг друга. Девушка снизу, парень лежал на ней и кусал ее за губы, шею, мочки ушей, потом широко разевал рот, будто хотел проглотить целиком. Когда Салли повернулась к Роберту, тот